

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
«ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ»

На правах рукописи

Климочкина Анастасия Юрьевна

**РЕЛИГИОЗНОСТЬ КАК ПРЕДИКТОР ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОЙ
ИСПОЛНЕННОСТИ**

Резюме диссертации
на соискание ученой степени
кандидата психологических наук

Научный руководитель
кандидат психологических наук, доцент
Молчанова Ольга Николаевна

Москва 2023

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования

Наше исследование фокусируется на относительно неизвестном в рамках академической психологии феномене экзистенциальной исполненности. Это понятие введено в рамках экзистенциальной психологии В. Франклом и развито в теории А. Лэнгле, для обозначения субъективного благополучия и психологического здоровья человека с экзистенциальной точки зрения. Человек экзистенциально исполнен, если действует в соответствии с тем, что он считает возможным, хорошим, аутентичным и правильным. Субъективным маркером исполненности является переживание внутреннего согласия с собой и с жизнью.

На теоретическом уровне тема религиозности как предиктора благополучия широко обсуждается в экзистенциальной философии (П. Тиллих, М. Бубер, М. Шелер, Н. А. Бердяев, Л. И. Шестов), а также в экзистенциальной психологии и психотерапии (К. Ясперс, Р. Мэй, В. Франкл, А. Лэнгле, К. Шнайдер). Однако проблема практически не разработана в эмпирических исследованиях в русле экзистенциально-психологического подхода. Наиболее близкими по содержанию представляются исследования качества жизни, которые предоставляют большое количество данных о связи религиозности и разных аспектов и форм благополучия (счастье, субъективное благополучие, психологическое благополучие, качество жизни, гедонистическое и эвдемоническое благополучие, духовное благополучие и др.). Однако в этой области остается ряд нерешенных вопросов. Во-первых, хотя большинство исследований говорят о позитивном эффекте религиозности, этот эффект различается при использовании разных инструментов измерения религиозности (используются многомерные или одномерные опросники, какие аспекты религиозности измерены) и инструментов измерения благополучия (теоретические посылки и объяснительные принципы, которые лежат в основе измерения). Кроме того, сравнение между существующими исследованиями затруднено в силу неэквивалентности критериев, адекватных для измерения религиозности в одной традиции и не подходящих к другой. Во-вторых, эффект религиозности на благополучие зависит от дополнительных факторов, связанных с

культурным контекстом, доминирующими ценностями, религиозными традициями. Так как большинство исследований, показавших положительную связь религиозности и благополучия, проведены в США и фокусируются на христианстве, то у исследователей возникают сомнения в возможности признать их выводы универсальными. А крупные международные исследования, охватывающие десятки стран и несколько религий, дают противоречивые данные. В-третьих, исследователи часто не сообщают достаточной информации о размере эффекта обнаруженной связи. В крупных метаанализах показано, что если эффект и сообщается как значимый, то величина его недостаточна для того, чтобы признать прогностическую значимость религиозности как предиктора благополучия в ряду других общепризнанных критериев (социальный статус, экономические показатели, здоровье, семейное положение и др.). Эти противоречия порождают интерес исследователей всего мира к теме религиозности как предиктора благополучия.

Теоретические представления, существующие в экзистенциальной психологии, позволяют предположить, что религиозность является значимым фактором для экзистенциальной исполненности личности, при этом возможен как позитивный, так и негативный эффект религиозности на экзистенциальную исполненность. В рамках экзистенциального анализа А. Лэнгле эффект религиозности на экзистенциальную исполненность теоретически обосновывается следующим образом: (1) в религиозном контексте могут быть реализованы предпосылки для осуществления фундаментальных мотиваций личности, (2) в процессе совершения религиозных практик человек может упражняться в установках (активной открытости, внимательности к себе, отпускания), которые создают условия для экзистенциальной исполненности.

Принадлежность к религиозной традиции, религиозные убеждения и участие в религиозных практиках — это феномены, которые являются компонентами религиозности как системного явления. Они активно изучаются в соотношении с ценностями человека на групповом и индивидуальном уровне. Однако отсутствуют исследования, учитывающие взаимодействие ценностей и религиозности как

предикторов субъективного благополучия. В рамках экзистенциально-психологического подхода и с учетом особенностей экзистенциальной исполненности можно предположить, что гармоничное соответствие убеждений, ценностей и поведения ведет к переживанию человеком экзистенции как исполненной.

Обобщенно можно выделить четыре группы противоречий, определяющих проблему данного исследования:

1. Противоречивость результатов эмпирических исследований связи религиозности и субъективного благополучия.
2. Множественность и неоднозначность в определении состава и значимости аспектов религиозности как предикторов субъективного благополучия, а также в определении возможных медиаторов и модераторов этой связи.
3. Противоречие между разработанностью темы экзистенциальной исполненности в русле философии и психотерапии и недостатком эмпирических исследований в рамках экзистенциально-психологического подхода.
4. Противоречие между изученностью связей религиозности и субъективного благополучия, ценностей и субъективного благополучия, и отсутствием исследований взаимодействия религиозности и ценностей на индивидуальном уровне как предикторов экзистенциальной исполненности.

Цель исследования: выявить связь экзистенциальной исполненности с компонентами религиозности (религиозная аффилиация, религиозная вера и следование религиозным практикам) и раскрыть роль индивидуальных ценностей в модерации этой связи.

На основании анализа теоретических представлений были выдвинуты следующие предположения:

Гипотеза 1: Религиозность (религиозная аффилиация, религиозная вера и следование религиозным практикам) выступает предиктором экзистенциальной исполненности у людей, принадлежащих к разным религиозным традициям (православие, ислам и буддизм).

Гипотеза 2: Индивидуальные ценности — Безопасность, Конформизм, Традиция, Универсализм, Самостоятельность и Достижение — являются модераторами связи религиозной аффилиации с экзистенциальной исполненностью.

Исходя из поставленной цели и сформулированных гипотез, были выдвинуты следующие **исследовательские задачи**:

1. Операционализировать понятие экзистенциальной исполненности, систематизировать теоретические подходы и эмпирические работы о соотношении различных форм субъективного благополучия и экзистенциальной исполненности.
2. Раскрыть модели религиозности, инструменты ее измерения, рассмотреть присутствие в этих моделях трех компонентов — религиозной аффилиации, веры и практик.
3. Выявить методологические проблемы измерения связи субъективного благополучия и религиозности, систематизировать известные интерпретационные теории, объясняющие эту связь.
4. Создать теоретическую модель трехсторонних связей индивидуальных ценностей, религиозности и экзистенциальной исполненности.
5. Выявить субъективную представленность связи религиозной веры и религиозных практик с компонентами экзистенциальной исполненности у религиозных респондентов на основе пилотажного качественного эмпирического исследования.
6. Эмпирически выявить связь между компонентами религиозности — религиозной аффилиацией, религиозной верой, религиозными практиками — и экзистенциальной исполненностью у людей, принадлежащих к разным религиозным традициям.
7. Раскрыть особенности взаимодействия компонентов религиозности как предикторов экзистенциальной исполненности.

8. Определить значимость взаимодействия индивидуальных ценностей и религиозной аффилиации как предикторов экзистенциальной исполненности.

Объектом исследования является экзистенциальная исполненность личности, **предметом** — взаимосвязь экзистенциальной исполненности и религиозности личности.

Теоретико-методологической основой исследования выступают: экзистенциальный анализ А. Лэнгле, антропология и онтология В. Франкла, концепция Д. А. Леонтьева о феномене субъективного благополучия, модель континуума психологического здоровья К. Киза, многомерный подход к определению и измерению религиозности в социальной психологии (К. Паргамент, Д. Е. Халл, Х. Г. Кениг, Р.Т. Крагун, Д. Спид, В. Сароглу), теория индивидуальных ценностей Ш. Шварца, позиции этнической и кросс-культурной психологии о формировании религиозной идентичности (Н. М. Лебедева, А. Н. Татарко, С. В. Рыжова, В.А. Шорохова, М.В. Ефремова).

Методы исследования

Методами решения теоретических задач исследования являются: анализ, обобщение и систематизация теоретических подходов к проблеме исследования и результатов эмпирических исследований, метод моделирования. В качестве методов сбора эмпирических данных использовались метод опроса и метод беседы.

Использовались следующие опросные методики сбора эмпирических данных:

1. Опросник «Тест экзистенциальных мотиваций» (Шумский и др., 2016) для измерения экзистенциальной исполненности, основанный на теоретической модели четырех фундаментальных мотиваций А. Лэнгле.
2. Опросник «Спектр психологического здоровья» (Mental Health Continuum — Short Form) по модели благополучия К. Киза и К. Рифф в адаптации Е. Н. Осина (Żemojtel-Piotrowska et al., 2018).
3. Модифицированная шкала «Следование религиозным практикам» (Ефремова, 2009).

4. Измерение религиозной аффилиации и религиозной веры с помощью прямых вопросов, составленных на основе анализа социально-психологических подходов к измерению религиозности.
5. Опросник индивидуальных ценностей Ш. Шварца (адаптация Н. М. Лебедевой) сокращенная версия, используемая в Европейском социальном исследовании (ESS) (Schwartz et al., 2001).

В опросный лист также входили анкетные вопросы о социально-демографических данных (пол, возраст, город проживания).

В качестве метода анализа качественных данных использовался метод описательного феноменологического анализа А. Джорджи. Методами статистической обработки данных выступали: корреляционный анализ, линейный регрессионный анализ, множественный иерархический регрессионный анализ, дисперсионный анализ, вычисление величины эффекта. Для статистической обработки данных и работы с графикой использовался язык программирования R, программное обеспечение R-studio, JASP и SPSS Statistics 22.

Эмпирическую базу исследования составили результаты опроса людей, проживающих в России, владеющих русским языком. В пилотажном качественном исследовании приняли участие 6 респондентов (5 женщин и 1 мужчина) в возрасте от 26 до 50 лет, аффилированных с православием. Выборка формировалась как целевая, рекрутирование проводилось через социальные сети. Беседа проводилась в дистанционном формате, на добровольной и безвозмездной основе.

В количественных исследованиях приняли участие люди разных религиозных убеждений, 481 женщина и 277 мужчин, от 16 до 80 лет, средний возраст 33 года (медиана — 30 лет). Итоговая выборка, составляющая 758 человек, состояла из пяти групп в соответствии с критерием аффилиации с религиозной традицией: 171 человек — православные христиане, 188 — мусульмане (суннитского направления), 136 — буддисты (мистические школы), 109 — атеисты и 154 человека, неаффилированных с религией (так называемые «nons»). В группе мусульман большинство респондентов — жители Республики Татарстан, в группе буддистов — жители Республики Калмыкия. Такое распределение обусловлено

особенностями распространения религий в регионах России. Опрос проводился в двух формах — очно в регионе проживания респондента (Казань, Буинск, Элиста, Смоленск и область, Москва и область) и онлайн через электронную гугл-форму. Среди респондентов 447 человек — жители городов-миллионников, а 311 проживают в малых городах. Выборка строилась как целевая, к опросу приглашались участники профильных религиозных групп в социальных сетях и подписчики интернет-порталов. Данная работа является обобщением исследований, проводившихся в 2017–2022 гг.

Научная новизна исследования:

1. В рамках экзистенциально-психологического подхода впервые изучается связь экзистенциальной исполненности с религиозностью, измеренной как многокомпонентный феномен в разных религиозных традициях.
2. Разработана теоретическая модель связей экзистенциальной исполненности с религиозностью и индивидуальными ценностями.
3. Раскрыта роль компонентов религиозности (религиозной аффилиации, религиозной веры и религиозных практик), а также их взаимодействия как предикторов экзистенциальной исполненности.
4. Впервые установлена роль индивидуальных ценностей как медиатора связи религиозной аффилиации с экзистенциальной исполненностью.
5. Исследование предоставляет данные для подтверждения теоретического тезиса теории А. Лэнгле о согласованности внутренних убеждений и позиций с реализуемыми действиями как условия переживания внутреннего согласия с собой и с миром, то есть экзистенциальной исполненности. В отношении экзистенциальной исполненности показана значимость соответствия между позицией человека относительно своей принадлежности к религиозной традиции, наличием религиозных убеждений, исполнением им религиозных практик и выраженностью соответствующих индивидуальных ценностей.

Теоретическая значимость состоит в углублении и дополнении представлений о феномене экзистенциальной исполненности, в систематизации современных представлений о связи религиозности и субъективного благополучия,

в разработке теоретической модели связей экзистенциальной исполненности с религиозностью и индивидуальными ценностями и ее эмпирической проверке, в выделении особенностей связи религиозной аффилиации с экзистенциальной исполненностью у людей с разной выраженностью индивидуальных ценностей.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использовать полученные данные в практике психологического консультирования для помощи людям с различными религиозными убеждениями. Результаты исследования могут быть использованы в учебных дисциплинах: «Основы экзистенциального анализа и логотерапии», «Онтология личности», «Психология поиска смысла», «Психологическое благополучие: индивидуальное пространство личности».

Положения, выносимые на защиту:

1. Экзистенциальная исполненность является качественно специфическим феноменом, который определяется: (1) как процесс исполнения экзистенции, (2) как переживание внутреннего согласия и (3) как многокомпонентная структура, описывающая психологические процессы, которые представляются условиями экзистенциальной исполненности.
2. Каждый из трех компонентов религиозности — аффилиация с религией, религиозная вера в Бога или иные Высшие силы и следование религиозным практикам — связаны с более высоким уровнем экзистенциальной исполненности и выступают ее предикторами в разных религиозных традициях.
3. Компоненты религиозности, выступая как предикторы исполненности, имеют разную силу и взаимодействуют между собой, составляя единый сложноорганизованный феномен. Наиболее сильными предикторами экзистенциальной исполненности выступают религиозная аффилиация и исполнение религиозных практик. Религиозные практики являются предиктором экзистенциальной исполненности у людей, аффилированных с любой из трех религиозных традиций, но не связаны с экзистенциальной исполненностью у людей, не причисляющих себя к последователям какой-

либо религии. Следование религиозным практикам у религиозно аффилированных респондентов опосредует связь религиозной веры с экзистенциальной исполненностью. Разные религиозные практики имеют разную значимость и размер эффекта в предсказании экзистенциальной исполненности в зависимости от конкретной религиозной традиции.

4. Индивидуальные ценности по-разному связаны с экзистенциальной исполненностью у людей, аффилированных и неаффилированных с религией: у аффилированных с религией респондентов переживание экзистенциальной исполненности положительно связано с ценностями Благожелательности и Универсализма и отрицательно — с ценностью Власти. У неаффилированных с религией респондентов экзистенциальная исполненность положительно связана с ценностями Стимуляции и Достижения, и отрицательно — с ценностями Конформизма и Традиции. Единой тенденцией как для аффилированных, так и для неаффилированных с религией респондентов является только положительная связь экзистенциальной исполненности с ценностью Самостоятельность и отрицательная — с ценностью Безопасность.
5. Роль религиозной аффилиации как предиктора экзистенциальной исполненности варьируется у людей с разными индивидуальными ценностями. Индивидуальные ценности модулируют эффект религиозной аффилиации на экзистенциальную исполненность: аффилированные с православием респонденты демонстрируют более высокий уровень экзистенциальной исполненности, чем неаффилированные респонденты, только в случае высокой и средней выраженности у них ценностей Универсализма и Благожелательности, а также при низкой ценности Достижения.

Надежность и достоверность результатов исследования обеспечивается теоретико-методологической базой исследования, использованием комбинированного качественно-количественного дизайна, использованием

репрезентативной выборки, адекватностью применения методов статистической обработки эмпирических данных.

Апробация исследования

Материалы диссертации обсуждались на научно-исследовательских семинарах департамента психологии НИУ ВШЭ. Материалы и результаты исследования были представлены на российских и зарубежных конференциях: 11-я Международная конференция по вопросам смысла (INPM) (2021, Торонто, онлайн), Онлайн-Преконгресс Девятого Всемирного конгресса по психотерапии «Психотерапия в помощи гражданам, семьям, коллективам, всему обществу во время пандемии, вызванной коронавирусом» (2020, онлайн), II Всемирный конгресс по экзистенциальной психотерапии (2019, Буэнос-Айрес), 9-я Конференция по позитивной психологии (ЕСРР) (2018, Будапешт), 13-я Всемирная конференция по личностно-ориентированной и экспериментальной психотерапии и консультированию (2018, Вена), 10-я Конференция по проблемам диалогического «Я» (2018, Брага), Итоговый международный конгресс «Возможности психотерапии, психологии и консультирования в сохранении и развитии здоровья и благополучия человека, семьи, общества» (2017, Москва), VI Международная научно-практическая конференция «Личность в пространстве и времени» (2017, Смоленск), Всероссийский психологический форум (2017, Казань). По материалам диссертационной работы опубликовано четыре научные статьи, три из них в журналах, рекомендуемых для защиты НИУ ВШЭ, а также тезисы в трех сборниках научных конференций.

Структура диссертации включает введение, четыре главы, выводы, заключение, список литературы и шесть приложений. В список литературы входят 217 источников, 114 из них на иностранном языке (английский, немецкий). Основная часть диссертации представлена на 187 страницах. Результаты исследования оформлены в 16 таблицах и 5 рисунках.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Первая глава диссертации посвящена объекту исследования — экзистенциальной исполненности (ЭИ) как феномену, описывающему

психологическое здоровье и благополучие с точки зрения экзистенциальной парадигмы.

Пункт 1.1. посвящен систематизации определений понятия экзистенциальной исполненности, существующих в психотерапевтической и академической литературе. Мы выделяем три группы определений, которые характеризует ЭИ с разных сторон: (1) как процесс исполнения или реализации экзистенции, (2) как переживание внутреннего согласия и удовлетворенности жизнью, (3) как многокомпонентный конструкт, основанный на структуре условий и предпосылок, благодаря которым возможна его дифференцированная оценка. Последовательно рассмотрены эти три определения. Во-первых, исполнение экзистенции представлено как процесс, имманентно присущий человеку в каждый момент времени. Бытие человека (экзистенция) характеризуется диалогичностью, динамичностью, открытостью, недетерминированностью. Человек постоянно находится в процессе реализации этих свойств экзистенции в большей или меньшей степени (Längle, 1993; Корякина, 2015). Во-вторых, экзистенциальная исполненность описывается как переживание внутреннего согласия и удовлетворения жизнью, которое маркирует высокую степень персональности (от слова Person) в экзистенции. В-третьих, экзистенциальная исполненность представлена как латентный конструкт, который выводится из структурной модели ее условий — реализации четырех фундаментальных мотиваций (по А. Лэнгле). Структурная модель описывает психологические процессы, лежащие в основе исполненности — фундаментальное доверие, фундаментальная соотнесенность, самооценность и осмысленность жизни. Таким образом, переживание доверия, ценности жизни, аутентичности и осмысленности описаны как условия для экзистенциальной исполненности, через которые возможна ее дифференцированная диагностика. Три выделенные группы определений не являются независимыми, они дополняют друг друга, составляя феноменологический, структурный и процессуальный аспекты экзистенциальной исполненности.

Пункт 1.2. посвящен теоретическому обоснованию самостоятельности феномена экзистенциальной исполненности, определению его места среди понятий, описывающих позитивное функционирование и благополучие личности. С опорой на систематизацию понятийного поля в этой сфере, предложенной Д. А. Леонтьевым (2020), проведено теоретическое сравнение свойств ЭИ с понятиями: счастье, субъективное благополучие, психологическое благополучие, качество жизни, гедонистическое и эвдемоническое благополучие, духовное благополучие, экзистенциальное благополучие. В каждом случае были обозначены сходства и различия с понятием экзистенциальной исполненности. ЭИ представляется близким по смыслу понятием с эвдемонией по Д. Галати и И. Сотджу (Galati, Sotgiu, 2004). Однако, обращаясь к модели психологического здоровья К. Киза (Keyes, 2009) и психологического благополучия К. Рифф (Ryff, Keyes, 1995), мы показываем, что экзистенциальная исполненность сочетает в себе черты гедонистического и эвдемонического благополучия, то есть включает и переживание положительных эмоций, и наличие личностных предпосылок благополучия. Далее обозначается, что экзистенциальная исполненность не предполагает акцента на личностных отношениях человека с Богом или иной трансцендентной реальностью, как это характерно для понятия духовного благополучия. ЭИ также не идентична переживанию наличия смысла и цели в жизни.

В **пункте 1.3.** приводится обзор эмпирических исследований связи экзистенциальной исполненности и субъективного благополучия. Обзор подкрепляет выводы теоретического анализа — большинство работ показывают положительную корреляцию экзистенциальной исполненности и субъективного благополучия, при этом отсутствует полное совпадение охватываемой ими психической реальности.

Вторая глава посвящена раскрытию понятия религиозности и проблеме связи религиозности с экзистенциальной исполненностью, а также различными аспектами субъективного благополучия. В **пункте 2.1.** приводится обзор теоретических подходов к определению религиозности и ее отличий от

духовности. Дано рабочее определение религиозности как многомерного феномена, означающего свойство личности, которое выражается в религиозных особенностях сознания и поведения человека.

В пункте представлены модели религиозности как многомерного феномена (Glock, Stark, 1966; Poloma, Pendleton, 1991; Voas, 2007; Hall, Meador, Koenig, 2008; Saroglou, 2011; Schwadel, Hardy, 2022; Новикова, 2001), приведен обзор компонентов религиозности, используемых в крупных международных исследованиях (ЕСС, WVS). Обсуждаются нерешенные сложности в измерении религиозности как совокупности компонентов в разных религиозных традициях. Понятие религиозной идентичности, которое используется в контексте культурной и кросс-культурной психологии (Ефремова, 2009, 2011), вводится как один из возможных компонентов религиозности.

Представлена операционная модель исследования религиозности, аналогичная трехкомпонентным моделям Р. Крагуна и Д. Спид (Cragun, Speed, 2022), Д. Воаса (Voas, 2007), Новиковой (2001). В модели учтены компоненты, стабильно присутствующие в большинстве моделей многомерного измерения религиозности: идентичность (или принадлежность), убеждения и поведение. В трехкомпонентную модель оценки религиозности включены религиозная аффилиация, религиозная вера и религиозные практики.

(1) религиозная аффилиация — аспект религиозности, отражающий принадлежность к религиозной традиции, системе норм, сообществу и социальному институту конкретной религии.

(2) религиозная вера — аспект религиозности, отражающий личные убеждения в существовании Бога или иных Высших сил.

(3) религиозные практики — поведенческий аспект религиозности, отражающий включенность в предписанные религией практики, соблюдение ритуалов, как индивидуально, так и в группе верующих.

Эти три компонента связаны между собой, но имеют свою специфику, описывающую особенности сознания и поведения религиозного человека.

Обозначены преимущества введенной модели в соответствии с целями исследования.

Пункт 2.2. посвящен обзору эмпирических исследований связи субъективного благополучия и религиозности. Существует не так много исследований, в которых измеряется экзистенциальная исполненность, тогда как взаимоотношения между религиозностью и благополучием в разных формах изучались многократно и по разным критериям. Большая часть исследователей утверждают наличие положительной связи религиозности и психологической оценки качества жизни и благополучия (Argyle, Hills, 2000; Koenig, McCullough, Larson, 2001; Ardel, 2003; Lewis, Cruise, 2006; Dehejia, DeLeire, Luttmer, 2007; Snoep, 2008; Ritter, Preston, Hernandez, 2014). Однако другие исследования описывают нелинейную связь (например, Mochon, Norton, Ariely, 2011) или вовсе не обнаруживают значимой связи между религиозностью и субъективным благополучием (O'Connor, Cobb, O'Connor, 2003; Sillick, Stevens, Cathcart, 2016), либо размер эффекта и сила связи настолько малы, что не могут получить сколько-нибудь осмысленной интерпретации (Cragun, Speed 2022).

Для объяснения и систематизации существующих противоречий в результатах исследований мы предлагаем обратить внимание на три аспекта, относящихся к дизайну исследований и существенно влияющих на полученный результат — это (1) культурный контекст, в котором проведено исследование и религиозная традиция, в которой находится респондент (Siegers, 2019); (2) выбранная исследователем операционализация основных понятий «религиозность» и «психологическое благополучие» (или его аналогов) и следующая за ними методология исследования (Hackney, Sanders, 2003); и (3) выбранная теоретическая модель, на которую опирается интерпретация результатов.

Мы выделяем методологическую проблему измерения религиозности: некоторые исследователи включают в определение религиозности те свойства или показатели, которые изначально относятся к позитивному полюсу функционирования или благополучию личности. Опросники религиозности часто

включают измерение переживания смысла жизни, опоры, позитивных эмоций, поддержки, исходящей от религиозного сообщества (например, опросники ROS Олпорта и Росса, SBI-15R Холланда). По этой причине использование многомерных опросников религиозности, включающих психологические переменные, в исследованиях благополучия затруднено. На этом основывается авторский выбор социологического подхода к измерению религиозности, больше подходящего для исследований, изучающих ее связь с благополучием.

Представлена дискуссия о возможности и необходимости теоретического объяснения взаимосвязи религиозности с какими-либо аспектами благополучия. Одни теории стремятся увидеть роль религии в целом в жизни человека. Другие стремятся, наоборот, разделить это «целое» на ту религиозность, которая способствует благополучию, и ту религиозность, которая не имеет такого позитивного эффекта или даже связана с негативными последствиями для благополучия. Третьи призывают не тратить время на определение религиозности, если ее эффект полностью может быть объяснен другими социальными и психологическими переменными-медиаторами. Обсуждаются следующие теории: теория управления страхом смерти Т. Пишчински, Дж. Гринберга и Ш. Соломона (Greenberg, Pyszczynski, Solomon, 1986), теория религиозного копинга К. Паргамента (Pargament et al, 1998), модель интернализации верований и ценностей религии в теории внутренней мотивации и самодетерминации Э. Диси и Р. Райана (Ryan, Rigby, King, 1993), модель внутренней и внешней религиозности Г. Олпорта (Allport, 1950), социально-психологический подход, рассматривающий диадку социальная — индивидуальная религиозность, и, наконец, подход Р.Т. Крагуна и Д. Спида (Cragun, Speed, 2022), обосновывающий незначимость религиозности для переживания благополучия.

Рассмотрев эту дискуссию, в **пункте 2.3.** мы приводим объяснительную модель связи религиозности и благополучия с точки зрения экзистенциальной психологии. Рассмотрены позиции нескольких авторов относительно места религии и религиозности в жизни человека (Э. Фромм, Р. Мэй, В. Франкл, А. Лэнгле, Н. Аббаньяно, Л. Хоффман). Религиозность представляется в качестве

одного из способов того, как люди обходятся с экзистенциальными темами и данностями. В рамках экзистенциального подхода существует теоретическое обоснование как позитивной, так и негативной роли религии и религиозности в жизни человека. Позитивная роль обусловлена формированием чувства опоры в высшем трансцендентном порядке, чувства надежды и смысла жизни, в соотнесении себя с большим контекстом, чувства принадлежности и единения с единоверцами, а также возможностью через религиозные практики упражняться в установках открытости, внимательности к себе, отпускания, умиротворения, которые в теории ведут к переживанию экзистенциальной исполненности. Негативная роль обусловлена возможным подкреплением невротических особенностей личности через религиозное участие: укрепление незрелости и несамостоятельности, «уплощение» эмоциональной жизни из-за самоограничения, болезненное чувство вины или тревожности, чрезмерная авторитарность и педантизм, которые являются проявлениями низкой экзистенциальной исполненности.

Представлены также результаты тех немногих эмпирических исследований, которые включают как переменную экзистенциальную исполненность или экзистенциальное благополучие. Обозначается дефицит эмпирических исследований, которые бы могли предоставить данные о проверке связи религиозности и благополучия или удовлетворенности жизнью именно в рамках экзистенциальной парадигмы.

Пункт 2.4. посвящен описанию авторской теоретической модели связи религиозности, определенной через трехкомпонентную модель (представленной в пункте 2.1), с экзистенциальной исполненностью (рис. 1), и формулируется первая гипотеза диссертационного исследования. Следуя за теоретическими позициями, рассмотренными в пункте 2.3, мы предполагаем, что религиозная вера (то есть вера в трансцендентную реальность), религиозная аффилиация (как принадлежность к институционализированной религии) и религиозные практики являются предикторами экзистенциальной исполненности. Через создание возможностей для реализации четырех фундаментальных мотиваций в контексте религии может

быть реализован один из путей к внутреннему согласию человека с собой и с жизнью, который существует наравне с другими путями.

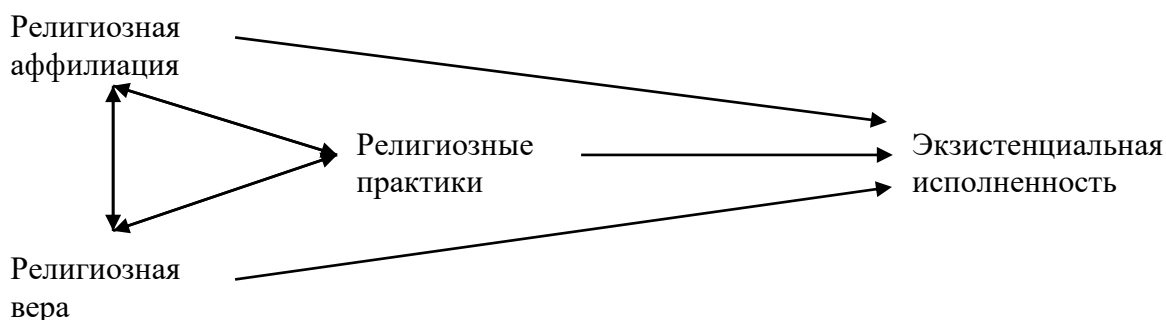

Рисунок 1. Модель исследования связи аспектов религиозности и экзистенциальной исполненности

В Главе 3 рассматривается роль индивидуальных ценностей в механизме функционирования связи религиозности с экзистенциальной исполненностью. Рассмотрение подобной трехсторонней связи является новым подходом в исследованиях благополучия. Существует две параллельные линии исследований: одни исследования показывают, что религиозность связана с определенными ценностями, другие — выявляют, что ценности, в свою очередь, обуславливают критерии оценки субъективного благополучия. В нашем исследовании эти линии объединяются путем изучения трехсторонней связи индивидуальных ценностей и религиозности с экзистенциальной исполненностью. Для этого мы последовательно рассматриваем первую и вторую линии в преломлении экзистенциального подхода, а затем выдвигаем операциональную модель трехсторонних связей.

Пункт 3.1. посвящен соотнесению экзистенциальной исполненности и ценностей. Во-первых, представлен взгляд экзистенциального анализа на роль ценностей в формировании экзистенциальной исполненности. Способность ощущать ценности и руководствоваться этим ощущением при выборе — это является одним из условий исполненной экзистенции в теории А. Лэнгле. При этом в экзистенциальном анализе не описано содержание (или перечень) ценностей, выраженность которых связана с экзистенциальной исполненностью. Однако,

поскольку экзистенциальная исполненность предполагает переживание внутреннего согласия, следовательно, характеристикой экзистенциально исполненной жизни будет являться соответствие (гармоничность) действий человека с его устойчивыми ценностями и убеждениями.

Во-вторых, вводится понятие ценностей, используемое в социальной и кросс-культурной психологии (Лебедева, 2011). Ценностные ориентации — обобщенные цели, которые складываются у человека прижизненно (как результат интериоризации культурных ценностей) и которые во многом определяют его убеждения и поведение. Подробно рассматривается теория базовых ценностей Ш. Шварца, определяющая десять универсальных базовых ценностей — Самостоятельность, Стимуляция, Гедонизм, Достижение, Власть, Безопасность, Конформность, Традиция, Благожелательность и Универсализм.

В-третьих, описаны результаты единственной работы, которая приводит эмпирические данные о связи базовых ценностей с экзистенциальной исполненностью в русскоязычном пространстве (Васанов, 2010). Данные демонстрируют слабые отрицательные связи с ценностными ориентациями Конформизм, Традиция, Стимуляция, Гедонизм, Безопасность, и положительную корреляцию с ценностью Самостоятельность. На основании этих данных, а также на основании теоретического анализа феномена экзистенциальной исполненности (приведенного в Главе 1), становится возможным предположить направление связи исполненности и с другими ценностями в соответствии с моделью Ш. Шварца.

Пункт 3.2. посвящен соотнесению религиозности и ценностей согласно модели Ш. Шварца. В этом разделе представлена сводная таблица результатов существующих исследований связи религиозности и ценностных ориентаций по Ш. Шварцу. Их анализ позволил выделить следующие тенденции: религиозность связана положительно с ценностями сохранения и отрицательно — с ценностями открытости к изменениям, положительно — с ценностями социальной направленности и отрицательно — с ценностями индивидуальной направленности, а также отрицательно — с ценностями самоутверждения и неоднозначно (амбивалентно) — с ценностями самоотрансценденции. В большинстве случаев

выявлена положительная связь религиозной идентичности и ценностей Традиция, Конформизм, Безопасность, Благожелательность.

В пункте 3.3. представлена теоретическая модель трехсторонней связи религиозности, индивидуальных ценностей и экзистенциальной исполненности. Диссертационное исследование отталкивается от следующих предположений: в поиске способов реализации экзистенции, человек опирается на базовые ценности. Если ценности находят гармоничную реализацию в религиозном контексте, тогда можно предположить высокий уровень экзистенциальной исполненности человека. Разная выраженность ценностей приводит к различиям в критериях, по которым человек оценивает свое субъективное благополучие, а также в стратегиях его достижения, что может выразиться и в разных путях, ведущих к переживанию экзистенциальной исполненности. Рабочая модель и гипотетическое направление связей отображено на Рисунке 2. В завершении пункта формулируется вторая гипотеза исследования — о различиях связи религиозности с экзистенциальной исполненностью у людей с разными доминирующими индивидуальными ценностями.

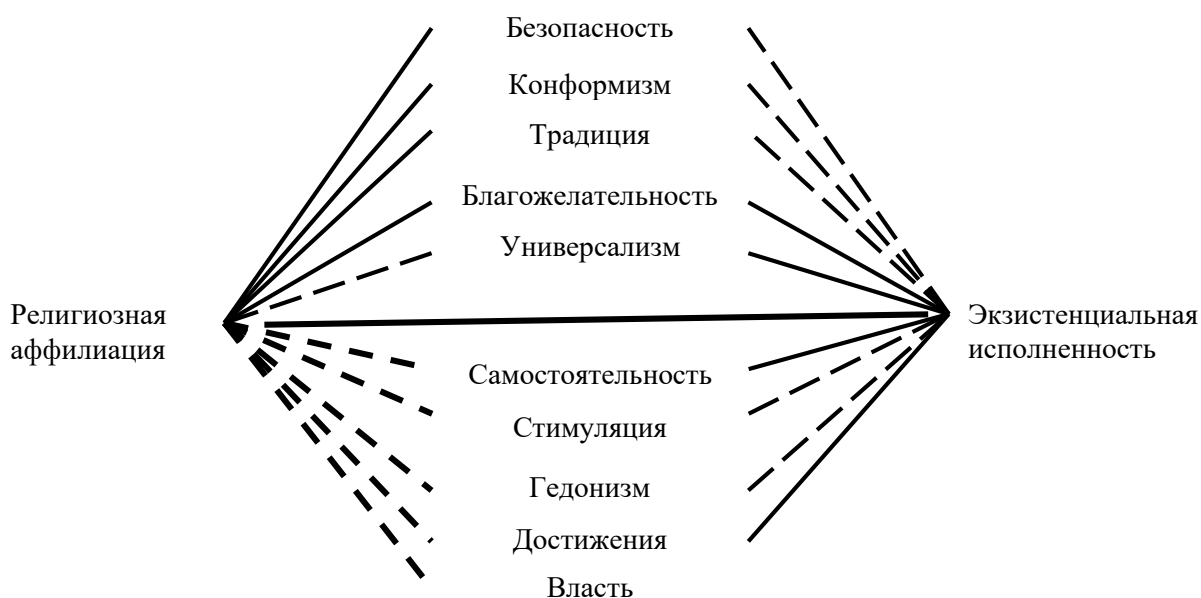

Рисунок 2. Модель исследования связи религиозной аффилиации и экзистенциальной исполненности с учетом взаимодействия с ценностными ориентациями, где сплошная линия обозначает положительную связь, а пунктирная линия — отрицательную связь

Глава 4 включает результаты трех проведенных эмпирических исследований. Для каждого описаны: дизайн исследования, выборка, процедуры, методы, результаты исследования, обсуждение результатов, выводы, перспективы и ограничения. В исследовании 1 нашей целью было изучение представлений религиозно аффилированных людей о связи их религиозной веры и практик с переживанием экзистенциальной исполненности и ее условиями. Таким образом мы искали эмпирическое подкрепление гипотез на уровне феноменологических содержаний. Для проверки гипотез на уровне выявления статистической тенденции, проведено два количественных исследования. Исследование 2 направлено на проверку первой гипотезы о значимости компонентов религиозности как предикторов экзистенциальной исполненности. Исследование 3 является уточняющим и включает третью переменную — индивидуальные ценности — как модератор связи религиозной аффилиации и экзистенциальной исполненности.

В **пункте 4.1.** представлено качественное исследование, которое мы считаем предварительным (пилотажным). Изучаются содержания связи религиозной веры и практик с экзистенциальной исполненностью в представлении религиозно аффилированных (православных) людей. Поскольку в теории экзистенциального подхода существует обоснование как позитивной, так и негативной роли религиозности для переживания жизни с внутренним согласием, то важным является вопрос о том, какие содержания религиозной жизни, по мнению религиозных людей, связаны с экзистенциальной исполненностью. Исследование представляло собой серию полуструктурированных интервью. Гайд интервью структурирован категориальной сеткой, соответствующей содержаниям четырех экзистенциальных мотиваций. Соответствие вопросов гайда интервью содержанию экзистенциальных мотиваций было подтверждено двумя экспертами-психологами, специалистами по экзистенциальному анализу. Анализ интервью проводился в соответствии с методом описательного феноменологического анализа А. Джорджи (Квале, 2003).

Для обоснования генерализации гипотезы в отношении представителей других религий, дополнительно выполнено одно интервью с респондентом, аффилированным с буддизмом, а также выполнен краткий опрос представителей двух религий — буддизм (5 человек) и ислам (7 человек). Опрос проводился в сокращенной форме, в сравнении с описанной схемой интервью, но соответствовал ему по содержанию.

Результаты исследования показывают, что в опыте респондентов преобладают описания позитивной экзистенциальной исполненности в религиозном контексте, однако присутствуют и темы негативных переживаний, при отсутствии условий для экзистенциальной исполненности. Мы систематизировали темы, выявленные в интервью, согласно модели четырех фундаментальных мотиваций (ФМ) А. Лэнгле. Анализируя выделенные темы с точки зрения повторяемости, мы выделяем три темы более высокого порядка, которые фигурировали в каждой беседе: (1) переживание религиозности как помогающей выдержать трудные жизненные ситуации и, в какой-то мере, принять их, через укрепление чувства «могу» и предоставление защищенного пространства; (2) теплый эмоциональный отклик при посещении храма, особенно при праздничных коллективных молитвах; (3) переживание расширенной перспективы жизни и ощущение неслучайности или осмысленности всего, что происходит с человеком, видение в событиях жизни божественного плана.

Из результатов исследования сделаны следующие выводы. Во-первых, православные респонденты субъективно воспринимают связь их религиозной включенности (веры и практик) с переживаниями, которые мы, исходя из теории экзистенциального анализа, можем отнести к проявлениям экзистенциальной исполненности, а также к ее условиям и предпосылкам. Во-вторых, в опыте респондентов присутствуют как описания приводящих к исполненности, так и препятствующих ей сторон религиозной жизни. Следовательно, можно предположить более сложную связь религиозности и экзистенциальной исполненности, чем однозначно положительную связь. При этом все же преобладали описания, которые составляют укрепление экзистенциальной

исполненности: принятие и выдерживание трудного, чувство «могу», позитивные эмоции, чувство единения, расширение жизненной перспективы, наполнение событий жизни высшим смыслом. В-третьих, присутствует комплексность и многогранность реализации ФМ в религиозном контексте: компонент обращения к религии за конкретной помощью, либо за общей поддержкой выражен у одних респондентов, а у других — нет. В-четвертых, результат дополнительного опроса буддистов и мусульман делает возможным предполагать связь религиозности с исполненностью в отношении последователей разных религий. Основным выводом является эмпирическое обоснование гипотезы о связи религиозности и экзистенциальной исполненности, выдвинутое ранее в теоретическом исследовании (в Главе 2).

Пункт 4.2. посвящен количественному исследованию религиозности как предиктора экзистенциальной исполненности. В исследовании проверяется первая гипотеза диссертационной работы: религиозность (религиозная аффилиация, религиозная вера и следование религиозным практикам) выступает предиктором экзистенциальной исполненности у людей, принадлежащих к разным религиозным традициям (православие, ислам и буддизм). В **пункте 4.2.1.** представлен дизайн исследования и методы сбора данных. Так в опросный лист вошли следующие методики: (1) *Опросник «Тест экзистенциальных мотиваций» (ТЭМ)*; (2) *Опросник «Спектр психологического здоровья» (МНС — SF)*, который включает три шкалы: эмоциональное гедонистическое благополучие (частота переживания позитивных эмоций), социальное эвдемонистическое благополучие (включенность в социальные связи) и психологическое эвдемонистическое благополучие (комплексная оценка по модели благополучия К. Рифф); (3) Методы для измерения трех компонентов религиозности, согласно модели исследования (описанной в Главе 2):

1. *Религиозная аффилиация* определялась вопросом: «Относите ли вы себя к какому-либо вероисповеданию?».

2. Переменная *«религиозная вера»* измерялась вопросом: «Какое из перечисленных высказываний точнее всего отражает Ваше представление о существовании Бога или иных Высших сил?».

3. Модифицированная шкала *«Следование религиозным практикам»* (Ефремова, 2009), измеряла частоту исполнения практик: молитва и/или чтение мантр, посещение храма (церкви, мечети, дацана) или встреч сообщества (сангхи), чтение религиозных текстов (Евангелие, Коран, Сутры), участие в религиозных праздниках и соблюдение постов, медитации. Приводится обоснование необходимости модификации и суть изменений.

Обосновывается выбор инструментов измерения аспектов религиозности для данного исследования: (1) инструмент используется в современных психологических исследованиях религиозности, (2) применим для разных религий, (3) инструмент подходит для использования среди респондентов с разным уровнем религиозности, а не только с высоким уровнем религиозности, (4) пункты или вопросы, измеряющие аспекты религиозности, не содержат вложенных показателей субъективного благополучия (таких как смысл, надежда, ощущение поддержки), так как это могло бы исказить полученные данные о связи религиозности и ЭИ. В завершении пункта описаны методы статистического анализа данных.

Пункт 4.2.2. содержит описание выборки, процедур рекрутирования респондентов, процедуры проведения опроса. Итоговая выборка составила 758 респондентов.

В **пункте 4.2.3.** последовательно описан проведенный анализ данных и его результаты. До содержательного анализа полученных результатов была выполнена проверка психометрических показателей опросника ТЭМ в применении к выборке, включающей религиозных респондентов разной культурной принадлежности, а также нерелигиозных респондентов. Проверка внутренней согласованности опросника методом вычисления альфы Кронбаха показала высокую внутреннюю согласованность для общего показателя экзистенциальной исполненности ($\alpha = 0.94$). Проверка конвергентной валидности методом корреляции показателя ЭИ и

четырёх шкал ФМ с опросником благополучия по модели К. Киза и К. Рифф «Спектр психологического здоровья» показала ожидаемые позитивные связи средней силы между всеми шкалами ($r_{\text{соц.благ.}} = 0.54$, $r_{\text{эмо.благ.}} = 0.67$, $r_{\text{псих.благ.}} = 0.68$). Проверка структурной валидности методом конфирматорного факторного анализа показала, что модель имеет удовлетворительные параметры.

Для содержательной проверки гипотезы был рассчитан ряд линейных регрессионных моделей. Во всех моделях контролировались социально-демографические переменные: пол, возраст и город проживания. Результаты показали, что: (1) Все измеренные аспекты религиозности являются значимыми предикторами экзистенциальной исполненности. (2) Компоненты религиозности имеют разный вес как предикторы исполненности: религиозная аффилиация (с любой религиозной традицией) и религиозные практики являются более сильными предикторами (9,5% и 11,7%), чем религиозная вера (4,9% объясненной дисперсии), как при отдельном, так и при совместном включении в модель (Таблица 1). (3) Компоненты религиозности демонстрируют эффекты взаимодействия как предикторы экзистенциальной исполненности: религиозные практики опосредуют (являются медиатором) эффект религиозной веры на экзистенциальную исполненность (рис. 3). (4) Следование религиозным практикам является значимым предиктором исполненности у респондентов всех трех религиозных традиций, но не предсказывает исполненность религиозно неаффилированных респондентов (Таблица 2). (5) Религиозные практики имеют разный вес как предикторы исполненности у представителей разных религиозных традиций (Таблица 2): участие в праздниках и постах и посещение храма (церкви, мечети) имеет высокую значимость для мусульман ($\beta = 0.28$ и $\beta = 0.27$) и православных ($\beta = 0.32$ и $\beta = 0.21$), а для буддистов не вносит значимого вклада в исполненность ($\beta = 0.09$ и $\beta = 0.15$). При этом для буддистов наиболее значимой является практика медитации ($\beta = 0.31$).

Таблица 1. Результаты иерархической множественной регрессии (стандартизированные коэффициенты β), зависимая переменная — уровень экзистенциальной исполненности

	Модель 1	Модель 2	Модель 3	Модель 4	Модель 5
Возраст	0.11*	0.03	-0.02	-0.11**	-0.11**
Пол (0-жен., 1-муж.)	0.3	0.05	0.07	0.03	-
Город (0-бол., 1-мал.)	0.00	-0.09	-0.07	0.00	-
Религиозная аффилиация (0-нет, 1-аффилированные с религией)		0.66***	0.57***	0.35**	0.37***
Религиозная вера (0-нет, 1-верующие)			0.19*	0.12	-
Общий индекс религиозных практик				0.29***	0.31***
Delta R Square	0.012	0.097***	0.005*	0.039***	-
Adjusted R Square	0.008	0.097	0.101	0.138	0.1406
F-statistic (DF)	2.95 (3; 751), p = 0.03	21.32 (4; 750), p < 0.001	17.88 (5; 749), p < 0.001	18.05 (6; 632), p < 0.001	35.8 (3; 635), p < 0.001
BIC	6488	6422	6425	5365	5347
AIC	6465	6395	6393	5330	5325

Прим.: *** = $p < 0.001$; ** = $p < 0.01$; * = $p < 0.05$.

Таблица 2. Результаты линейной регрессии экзистенциальной исполненности на каждую из религиозных практик и общий индекс религиозных практик в четырех группах респондентов разной религиозной аффилиации

	Неаффилированные («Nons») (145 чел.)				
	B	se	β	R-squared	delta R-squared
Религиозные практики					
Посещение храма	2.581	2.601	0.09	0,034	0.014
Участие в праздниках и постах	0.137	2.207	0.00	0,027	0.007
Молитвы и чтение мантр	2.915	1.763	0.14	0,046	0.026
Чтение религиозных текстов	2.539	2.593	0.09	0,034	0.014
Медитации	1.685	1.368	0.10	0,038	0.018
Общий индекс религиозных практик	3.515	1.547	0.09	0,034	0.014
Мусульмане (188 чел.)					

	B	se	β	R-squared	delta R-squared
Религиозные практики					
Посещение храма	3.107**	0.931	0.27	0.073	0.056
Участие в праздниках и постах	2.817***	0.772	0.28	0.083	0.066
Молитвы	2.339**	0.724	0.25	0.070	0.053
Чтение религиозных текстов	2.937**	0.898	0.27	0.071	0.054
Общий индекс религиозных практик	5.526***	1.393	0.32	0.094	0.077
Православные (171 чел.)					
	B	se	β	R-squared	delta R-squared
Религиозные практики					
Посещение храма	2.689*	1.071	0.21	0.069	0.036
Участие в праздниках и постах	3.848***	0.984	0.32	0.115	0.082
Молитвы	2.605**	0.991	0.22	0.072	0.039
Чтение религиозных текстов	2.563*	1.112	0.19	0.063	0.030
Общий индекс религиозных практик	5.945**	1.777	0.28	0.095	0.062
Буддисты (136 чел.)					
	B	se	β	R-squared	delta R-squared
Религиозные практики					
Посещение храма	1.913	1.158	0.15	0.028	0.020
Участие в праздниках и постах	1.013	1.026	0.09	0.015	0.007
Молитвы и чтение мантр	2.703**	0.961	0.25	0.064	0.056
Чтение религиозных текстов	2.689**	1.020	0.24	0.058	0.050
Медитации	3.302**	1.021	0.31	0.081	0.073
Общий индекс религиозных практик	7.533***	2.018	0.35	0.103	0.095

Прим. 1: Во всех моделях контролируются социально-демографические переменные: пол, возраст и город проживания. Показатель delta R-squared указан за вычетом процента, объясненного социо-демографическими переменными.

Прим. 2: Религиозная практика медитаций может относиться только к части выборки, в соответствии с особенностями вероисповеданий.

Прим. 3: *** = $p < 0.001$; ** = $p < 0.01$; * = $p < 0.05$.

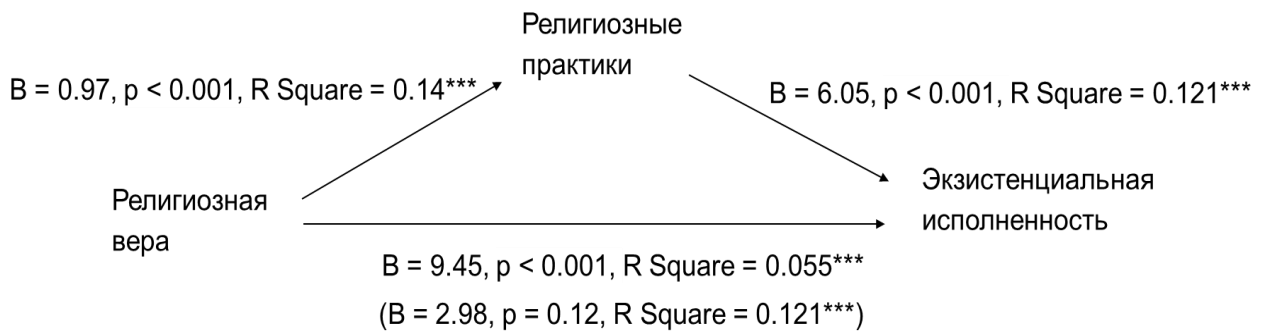

Рисунок 3. Эффект опосредования связи религиозной веры и экзистенциальной исполненности участием в религиозных практиках на общей выборке

В пункте 4.2.4. результаты обсуждаются с опорой на существующие данные других исследований и теоретические посылки. Отмечается, что компоненты религиозности связаны между собой и представляют единый феномен со сложноподчиненной структурой, включающей взаимодействия. Обсуждаются особенности группы неаффилированных респондентов («pious») и возможные интерпретации отсутствия значимой связи религиозных практик с исполненностью у респондентов, не причисляющих себя к религиозной традиции. Резюмируется, что религия и религиозные практики могут пониматься людьми по-разному и выполняться не только с разной частотой, но и с разным смыслом. Религиозный человек, совершая молитву регулярно, переживает внутреннее согласие. Само же по себе совершение молитвы и чтение религиозных текстов, как упражнение, не подкрепленное приверженностью к вероучению, может не иметь эффекта. Пункт завершается **выводами** исследования 2, также указаны перспективы и ограничения исследования. Мы делаем вывод о неправомерности привязывания позитивных эффектов религиозности к какому-то набору действий и частоте их выполнения, вне учета собственно духовного содержания практик, обусловленного содержанием вероучения религиозной традиции.

В пункте 4.3. описано третье эмпирическое исследование, уточняющее обнаруженные взаимосвязи с учетом индивидуальных ценностей. В пункте 4.3.1. выдвигается вторая гипотеза исследования, предполагающая, что связь принадлежности к религии и экзистенциальной исполненности модерируется ценностными ориентациями. В пункте 4.3.2. приводится краткое описание выборки и процедур. Для исследования была взята часть выборки предыдущего исследования, которая заполняла ценностный опросник Ш. Шварца. В выборку вошли 347 человек: 84 респондента, аффилированных с православием, 154 неаффилированные с религией респондента, которые не считают себя атеистами («nons»), и 109 — определяющих себя как атеистов.

В пункте 4.3.3. представлены результаты третьего исследования. Сравнение средних значений ценностей в трех группах показали, что у православных значимо больше выражена ценность Традиции, и значимо ниже — ценность Гедонизм, чем у неаффилированных респондентов. Результат попарного исследования трехсторонней связи показал, что: (1) аффилированность с религией положительно связана с экзистенциальной исполненностью ($r = 0.188$, $p = 0.007$); (2) аффилированность с религией положительно связана с ценностью Традиции ($r = 0.363$, $p < 0.001$) и отрицательно — с ценностью Гедонизма ($r = -0.162$, $p = 0.036$); (3) экзистенциальная исполненность положительно связана с ценностью Самостоятельность и отрицательно — с ценностью Безопасности, причем вне зависимости от того, причисляет ли себя человек к последователям религии или нет (рис. 4). Было выявлено различие в значимости и силе остальных ценностей как предикторов ЭИ у аффилированных и неаффилированных респондентов (направление и сила связей изображены на рис. 4).

Изучение взаимодействия предикторов показало значимое для уровня экзистенциальной исполненности взаимодействие между аффилированностью с религией (православием) и ценностями Традиция (для переменной взаимодействия $B = 4.769^*$, $\Delta R^2 = 0.012$), Благожелательность ($B = 5.404^*$, $\Delta R^2 = 0.01$), Универсализм ($B = 8.723^{**}$, $\Delta R^2 = 0.021$) и Достижения ($B = -4.542^*$, $\Delta R^2 = 0.011$). Этот же эффект взаимодействия был проверен с помощью двухфакторного

дисперсионного анализа. F-статистика показала значимое для уровня ЭИ взаимодействие религиозной аффилиации и Благожелательности ($F(3,339) = 2.232$, $p = 0.05$), Универсализма ($F(3,339) = 2.669$, $p = 0.048$) и Достижения ($F(3,339) = 2.577$, $p = 0.05$). Взаимодействие с ценностью Традиция, которое было обнаружено в регрессионной модели с использованием непрерывной переменной на уровне тенденции, оказалось незначимым на уровне сравнения средних значений ЭИ в подгруппах ($F(3,339) = 0.717$, $p = 0.54$).

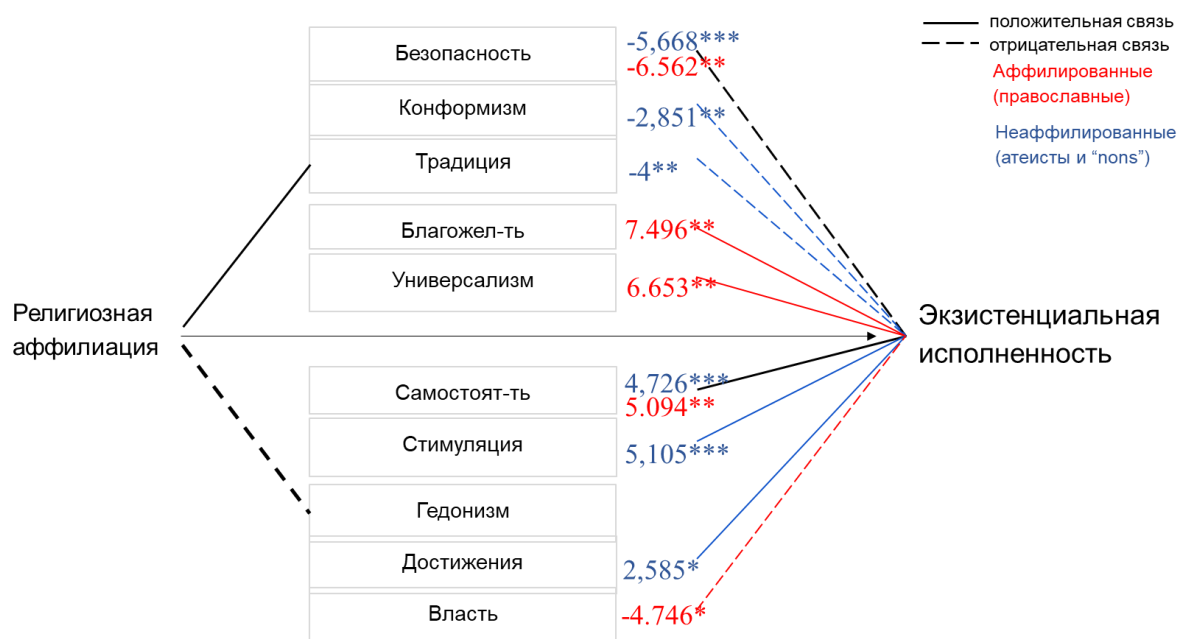

Рисунок 4. Модель исследования, уточненная в соответствии с результатами. Отражены только значимые связи. Пунктиром обозначены негативные связи, сплошной линией — позитивные. Синим цветом обозначены связи, значимые только в группе неаффилированных, красным — в группе аффилированных с религией (православием), черным — общие для обеих групп связи

В пункте 4.3.4. обобщаются обнаруженные эффекты взаимодействия предикторов (религиозности и ценностей) в предсказании исполненности, сопоставляются данные нескольких этапов анализа, обсуждается содержательное наполнение каждой из ценностей. Отмечается, что полученные данные обогащают полученные ранее (Васанов, 2010) представления о том, что ценности, входящие в блок ценностей Сохранения, отрицательно связаны с ЭИ. Приводятся возможные интерпретации неоднозначной значимости эффекта взаимодействия религиозной

аффилиации и ценности Традиции в объяснении ЭИ: (1) особенности пунктов, составляющих шкалу Традиции в опроснике Ш. Шварца, (2) недостаточная дисперсия данных по этой ценности в результатах. Обозначается специфика религиозных (православных респондентов): наибольшее значение для ощущения исполненной экзистенции у религиозных имеют ценности Самопреодоления (Благожелательности и Универсализма), но не Самоутверждения. Выдвигается предположение о созвучности православного вероучения с реализацией и развитием некоторых ценностей.

В конце представлены выводы третьего исследования о значимости взаимодействия религиозности и ценностей как предикторов исполненности. Отмечается, что полученная модель вносит существенные дополнения в существующие исследования в этой области.

После описания трех проведенных эмпирических исследований в **пункте Выводы** представлены общие выводы работы. В **Заключении** описывается общий итог проведенного диссертационного исследования. Религиозность является предиктором экзистенциальной исполненности. Однако религиозные и нерелигиозные люди приходят к исполненности разными путями, реализуя разные ценности. И таким образом, доступ к внутреннему согласию, духовности и переживанию внутреннего согласия не обязательно связан с религией или трансцендентной реальностью. Наиболее важным для переживания экзистенциальной исполненности является соответствие ценностных приоритетов, убеждений и действий, а также систематичность этих действий. Отмечается, что результаты согласуются с существующими теоретическими представлениями об экзистенциальной исполненности.

ОБЩИЕ ВЫВОДЫ ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ИССЛЕДОВАНИЙ

1. Мы выделили три фокуса рассмотрения экзистенциальной исполненности. Во-первых, исполнение экзистенции представлено как процесс, присущий человеку в каждый момент времени. Во-вторых, экзистенциальная исполненность описывается как переживание внутреннего согласия и удовлетворения жизнью,

которое маркирует высокую степень персональности в экзистенции. В-третьих, экзистенциальная исполненность представлена как латентный конструкт, который выводится из структурной модели ее условий — реализации четырех фундаментальных мотиваций. Три выделенные группы определений дополняют друг друга: экзистенциальная исполненность представлена в субъективном опыте как переживание внутреннего согласия (феноменологический аспект), для понимания источников его возникновения и дифференцированной оценке уровня исполненности предложена структурная модель условий и предпосылок (структурный аспект), при этом экзистенциальная исполненность существует в динамике и реализуется в каждом конкретном моменте жизни человека (процессуальный аспект). Таким образом, экзистенциальная исполненность может означать не только переживания, но и систему психологических процессов, лежащих в его основе.

2. Экзистенциальная исполненность может считаться самостоятельным феноменом, несмотря на близость по содержанию к психологическому благополучию, удовлетворенностью жизнью, счастьем и духовному благополучию. В экзистенциальной исполненности сочетаются гедонистические и эвдемонические аспекты благополучия (то есть и переживание положительных эмоций, и позитивная оценка личностных предпосылок благополучия), при этом акцентирована субъектная позиция человека к жизни.
3. Религиозность — многомерный феномен, в котором можно выделить три наиболее существенных компонента: религиозная аффилиация или принадлежность, религиозная вера и религиозные практики. Эти три компонента являются связанными, но имеют свою специфику, описывающую особенности сознания и поведения религиозного человека.
4. В представлениях православных респондентов существует связь их религиозности с экзистенциальной исполненностью. Религиозные респонденты говорят о следующих переживаниях в контексте религиозной жизни: принятие и выдерживание трудного, укрепление чувства «я могу», переживание доверия,

опора и безопасность в пространстве храма, позитивные эмоции благоговения, теплого отношения, чувство единения, расширение жизненной перспективы, наполнение событий жизни высшим смыслом. Эти содержания относятся к проявлениям и предпосылкам экзистенциальной исполненности согласно модели четырех фундаментальных мотиваций А. Лэнгле.

5. Первая гипотеза подтвердилась: измеренные компоненты религиозности связаны между собой и выступают предикторами экзистенциальной исполненности. Было обнаружено взаимодействие предикторов:

5.1. Частота участия в религиозных практиках является предиктором экзистенциальной исполненности только у людей, аффилированных с религией, то есть связывающих себя с какой-либо религиозной традицией.

5.2. Эффект религиозной веры (в существование трансцендентной реальности) опосредован исполнением религиозных практик.

5.3. Для представителей групп разных религиозных традиций обнаружены различия в значимости религиозных практик как предикторов экзистенциальной исполненности: участие в религиозных праздниках и постах является значимым предиктором экзистенциальной исполненности у православных и мусульман, в отличие от респондентов, аффилированных с буддизмом; у буддистов наиболее значимой является практика медитации; практики молитвы и чтение религиозных текстов положительно связаны с экзистенциальной исполненностью во всех трех группах религиозно аффилированных респондентов.

6. Вторая гипотеза исследования подтвердилась: существует значимое взаимодействие индивидуальных ценностей и религиозности как предикторов экзистенциальной исполненности. Однако теоретическая модель, описывающая трехстороннюю связь между религиозностью, ценностями и экзистенциальной исполненностью, была значительно изменена и дополнена.

6.1. Выявлены особенности взаимосвязи индивидуальных ценностей с экзистенциальной исполненностью у людей, аффилированных и неаффилированных с религией: у аффилированных с религией респондентов

экзистенциальная исполненность положительно связана с ценностями Благожелательность и Универсализм и отрицательно — с ценностью Власть. В отличие от неаффилированных с религией респондентов, у которых экзистенциальная исполненность отрицательно связана с ценностями Конформизма и Традиции, и положительно — с ценностями Стимуляции и Достижения. Единой тенденцией как для аффилированных, так и для неаффилированных с религией респондентов является положительная связь экзистенциальной исполненности с ценностью Самостоятельность и отрицательная — с ценностью Безопасности.

6.2. Аффилированные с православием респонденты демонстрируют более высокий уровень экзистенциальной исполненности, чем неаффилированные респонденты, только в случае высокой и средней выраженности у них ценностей Универсализма и Благожелательности, а также при низкой ценности Достижения. Неаффилированные с религией респонденты демонстрируют более низкий уровень экзистенциальной исполненности, чем аффилированные, только в случае высокой и средней выраженности у них ценности Традиции.

Работа выполнена в Департаменте психологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ ОТРАЖЕНО В СЛЕДУЮЩИХ ПУБЛИКАЦИЯХ

1. Klimochkina A., Nekhorosheva E. V., Kasatkina D. A. Existential Wellbeing, Mental Health, and COVID-19: Reconsidering the Impact of Lockdown Stressors in Moscow (Экзистенциальное благополучие, психическое здоровье и COVID-19: Переосмысление роли стрессоров, связанных с карантином в Москве) // *Psychology in Russia: State of the Art*. 2022. Vol. 15. №. 2. P. 14–31.
2. Климочкина А. Ю. Религиозная практика православных россиян как фактор экзистенциального благополучия // *Психология. Журнал Высшей школы экономики*. 2021. Т. 18. № 1. С. 203–210.

3. Shumskiy V., Klimochkina A. Religiosity and existential fulfillment of Muslims and Buddhists living in Russia (Религиозность и экзистенциальная исполненность мусульман и буддистов, проживающих в России) // *Existenzanalyse*. 2018. Vol. 35. №. 2. P. 19–30.

Другие публикации

1. Климочкина А. Ю. Взаимосвязь психологического благополучия и внутренней диалогической активности при молитве и медитации // *Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки*. 2018. № 4(46). С. 102–106.
2. Klimochkina A. Y., Shumskiy V. B. Religiosity and Well-being among Russian Buddhists and Muslims (Религиозность и благополучие среди российских буддистов и мусульман) // *9th European Conference on Positive Psychology. Book of Abstracts*. (June 27–30, 2018, Budapest, Hungary). Budapest: Akadémiai Kiadó, AKCongress, 2018. P. 733–734.
3. Klimochkina A. Y., Shumskiy V. B. Spiritual dialogue: Implications for psychological well-being (Духовный диалог: Роль для психологического благополучия) // *10th International Conference on the Dialogical Self: Book of Abstracts / Eds. M. Gonçalves, J. Oliveira, P. Lourenço, H. Hermans*. (June 13-16, 2018, Braga, Portugal). Braga: International Society for Dialogical Science, 2018. P. 51.
4. Климочкина А. Ю., Кутузова А. М. Субъективное благополучие россиян, исповедующих ислам // *Личность в пространстве и времени: сборник научных статей VI Международной научно-практической конференции / под ред. И. В. Морозиковой, К. Е. Кузьминой, Н. П. Сенченкова*. Смоленск: СмолГУ, 2017. Вып. 6. С. 89–97.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Васанов А. Ю. Взаимосвязь ценностных ориентаций с характеристиками экзистенциальной наполненности // Экспериментальная психология в России: традиции и перспективы / Под ред. В.А. Барабанщикова. М.: ИП РАН, 2010. С. 661–666.
2. Ефремова М. В. Роль гражданской и религиозной идентичности в экономическом сознании россиян // Вестник университета (ГУУ). 2009. № 9. С. 39–40.
3. Ефремова М. В. Роль гражданской и религиозной идентичности в экономическом сознании россиян // Психологические проблемы современного бизнеса: сборник научных статей / под ред.: В. А. Штроо, Н. Л. Иванова, Н. В. Антонова. М.: Издательский дом Государственного университета - Высшей школы экономики. 2011. С. 325–343.
4. Квале С. Исследовательское интервью. М: Смысл, 2003. 301 с.
5. Корякина Ю. М. Условия исполненной жизни: описание и измерение экзистенциальных мотиваций // Национальный психологический журнал. 2015. № 4(20). С. 49–65.
6. Лебедева Н. М. Этническая и кросс-культурная психология: учебник для высших учебных заведений. М: МАКС Пресс. 2011. 424 с.
7. Леонтьев Д. А. Счастье и субъективное благополучие: к конструированию понятийного поля // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2020. № 1. С. 14–37. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.1.02>
8. Новикова Л. Г. Религиозность в Беларуси на рубеже веков: тенденции и особенности проявления (социологический аспект). Минск.: БТН-информ, 2001. 132 с.
9. Шумский В. Б., Уколова Е. М., Осин Е. Н., Лупандина Я.Д. Диагностика экзистенциальной исполненности: оригинальная русскоязычная версия теста экзистенциальных мотиваций // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2016. Т. 13. № 4. С. 763–788.

10. Allport G. W. *The Individual and His Religion: A Psychological Interpretation*. New York: Macmillan, 1950. 147 c.
11. Ardel M. Effects of religion and purpose in life on elders' subjective wellbeing and attitudes toward death // *Journal of Religious Gerontology*. 2003. Vol.14, P. 55–77.
12. Argyle M., Hill P. Religious experiences and their relations with happiness and personality // *International Journal for the Psychology of Religion*. 2000. Vol. 10(3), P. 157–172.
13. Cragun R. T., Speed D. Religiosity and happiness // *Religious and Non-Religious Perspectives on Happiness and Wellbeing* / Ed. by Sh. Sugirtharajah. London: Routledge, 2022. P. 167–191.
14. Dehejia R., DeLeire T., Luttmer E. F. P. Insuring consumption and happiness through religious organizations // *Journal of Public Economics*. 2007. № 91. P. 259–279.
15. Galati D., Sotgiu I. Happiness and Positive Emotions // *Ricerche di Psicologia*. 2004. Vol. 27. № 1. P. 41–62.
16. Glock C.Y., Stark R. *American piety: The nature of religious commitment*. Berkely: University of California press, 1968. 254 p.
17. Greenberg J., Pyszczynski T., Solomon S. The causes and consequences of a need for self-esteem: A terror management theory // *Public self and private self* / Ed. R. F. Baumeister. New York: Springer-Verlag. 1986. P. 189–212
18. Hackney C. H., Sanders G. S. Religiosity and Mental Health: A Meta–Analysis of Recent Studies // *Journal for the Scientific Study of Religion*. 2003. Vol. 42(1), P. 43–55.
19. Hall D. E., Meador K. G., Koenig H. G. Measuring religiousness in health research: Review and critique // *Journal of Religion and Health*. 2008. Vol. 47, P. 134–163.
20. Keyes C.L.M. Atlanta: Brief Description of the Mental Health Continuum Short Form (MHC-SF) [электронный ресурс]. 2009. URL: <http://www.sociology.emory.edu/ckeyes/> (дата обращения: 11.10.2020).

21. Koenig H. G., McCullough M., Larson D. B. Handbook of Religion and Health. New York: Oxford University Press, 2001. 712 p. doi: 10.1093/acprof:oso/9780195118667.001.0001.
22. Längle A. Personale Existenzanalyse // Wertbegegnung. Phänomene und methodische Zugänge / Hrsg. Längle A. Wien: CLE-Verlag. 1993. P. 133–160
23. Lewis C. A., Cruise S. M. Religion and happiness: Consensus, contradictions, comments and concerns // Mental Health, Religion & Culture. 2006. Vol. 9(3). P. 213–225.
24. Mochon D., Norton M. I., Ariely D. Who benefits from religion? Social Indicators Research. 2011. № 101(1). P. 1–15.
25. O'Connor D. B., Cobb J., O'Connor R. C. Religiosity, stress and psychological distress: No evidence for an association among undergraduate students // Personality and Individual Differences. 2003. Vol. 34. P. 211–217
26. Pargament K. I., Smith B. W., Koenig H. G., Perez L. Patterns of Positive and Negative Religious Coping with Major Life Stressors // Journal for the Scientific Study of Religion. 1998. Vol. 37(4). P. 710–724
27. Poloma M. M., Pendleton B. F. Religious domains and general well-being // Social Indicators Research. 1990. Vol. 22. P. 255–276. doi: 10.1007/BF00301101
28. Ritter R. S., Preston J. L., Hernandez I. Happy tweets: Christians are happier, more socially connected, and less analytical than atheists on Twitter // Social Psychological and Personality Science. 2014. T. 5. №. 2. P. 243–249.
29. Ryan R. M., Rigby S., King K. Two types of religious internalization and their relations to religious orientations and mental health // Journal of Personality and Social Psychology. 1993. №. 65(3). P. 586–596. doi: 10.1037/0022-3514.65.3.586
30. Ryff C. D., Keyes C. L.M. The Structure of Psychological Well-Being Revisited // Journal of Personality and Social Psychology. 1995. Vol. 69. №. 4. P. 719–727. doi: 10.1037//0022-3514.69.4.719.
31. Saroglou V. Believing, Bonding, Behaving, and Belonging: The Big Four Religious Dimensions and Cultural Variation // Journal of Cross-Cultural Psychology. 2011. № 42(8). P. 1320–1340. doi: 10.1177/0022022111412267

32. Schwadel P., Hardy S. What Aspects of Religiosity are Associated with Values? // *Journal for the Scientific Study of Religion*. 2022. Vol. 61. № 2. P. 374–388. Doi: 10.1111/jssr.12777.
33. Schwartz S. H., Melech G., Lehmann A., Burgess S., Harris M., Owens V. Extending the Cross-Cultural Validity of The Theory of Basic Human Values With A Different Method Of Measurement // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 2001. Vol. 32. № 5. P. 519–542.
34. Siegers P. Is the Influence of Religiosity on Attitudes and Behaviors Stronger in less Religious or more Religious Societies? A Review of Theories and Contradictory Evidence // *Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie*. 2019. № 71(1). P. 491–517.
35. Sillick W. J., Stevens B. A., Cathcart S. Religiosity and happiness: A comparison of the happiness levels between the religious and the nonreligious // *The Journal of Happiness & Well-Being*. 2016. № 4(1). P. 115–127.
36. Snoep L. Religiousness and happiness in three nations: A research note // *Journal of Happiness Studies*. 2008. № 9. P. 207–211.
37. Voas D. Surveys of behavior, beliefs and affiliation: Micro-quantitative // *The SAGE handbook of the sociology of religion* / Ed. by J. A. Beckford, N. J. Demerath III. London: Sage, 2007. P. 144–166.
38. Žemojtel-Piotrowska M., Piotrowski J. P., Osin E. N., Ciecuch J., Adams B. G., Ardi R., Baltatescu S., Bogomaz S., Bhomi A. L., Clinton A., de Clunie G. T., Czarna A. Z., Esteves C., Gouveia V., Halik M. H., Hosseini A., Khachatryan N., Kamble S. V., Kawula A., Lun V. M., Ilisko D., Klicperova-Baker M., Liik K., Letovancova E., Cerrato S. M., Michalowski J., Malysheva N., Marganski A., Nikolic M., Park J., Paspalanova E., de Leon P. P., Pék G., Rózycka-Tran J., Samekin A., Shahbaz W., Ha T. T., Tiliouine H., van Hiel A., Vauclair M., Wills-Herrera E., Włodarczyk A., Yahiiaev I., Maltby J. The Mental Health Continuum – Short Form: The structure and application for cross-cultural studies – a 38 nation study // *Journal of Clinical Psychology*. 2018. № 74(6). P. 1034–1052.